

Джон Торнтон Баннерман

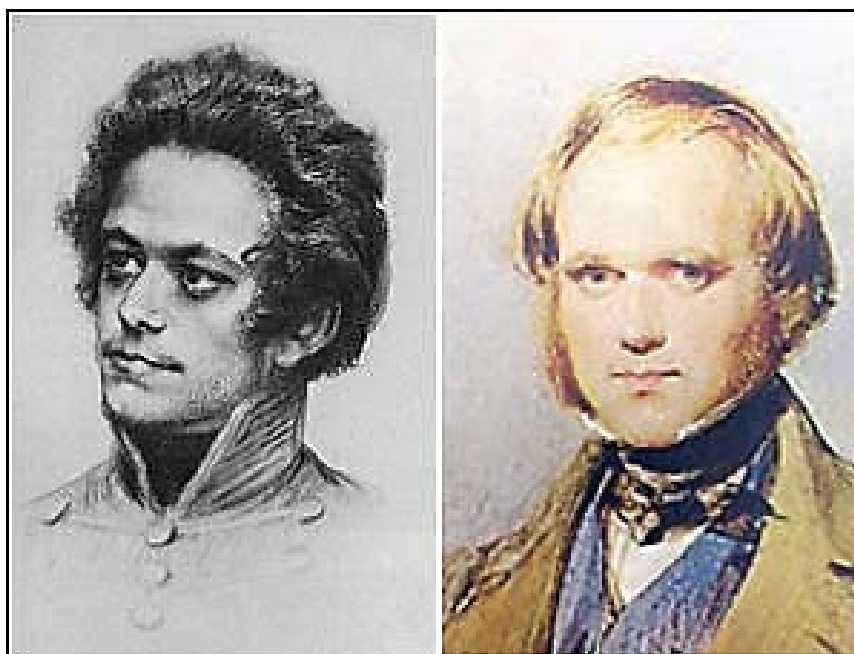
Маркс, Дарвин и научная идеология

Оригинал: John Thornton Bannerman. Marx, Darwin and the Scientific Ideology

Источник: <https://nationalvanguard.org/2015/03/marx-darwin-and-the-scientific-ideology/>

Перевод с английского, 2022 г. На русском языке публикуется впервые!

Впервые опубликовано в журнале *Liberty Bell* («Колокол свободы») в июле 1983 года.

Молодой еврей Карл Маркс слева, молодой европеец Чарльз Дарвин справа. Каждому их них по-своему суждено было существенно повлиять на будущее Запада.

*Научное исследование природы жизни поддерживает расизм,
разрушает марксизм и эгалитаризм.*

Когда в 1867 году Карл Маркс закончил первый том своего основного труда «Капитал», он предложил посвятить его великому биологу Чарльзу Дарвину. Дарвин осторожно отказался от этой чести, сославшись на свое «незнание экономики». Это одна из величайших ироний истории, что главный основатель

одной из важнейших идеологий, борющихся за душу двадцатого века, пожелал так посвятить свой *magnit opus* человеку, который должен был сыграть не менее важную, хотя и менее явную роль в основании другого великого противоборствующего мировоззрения.

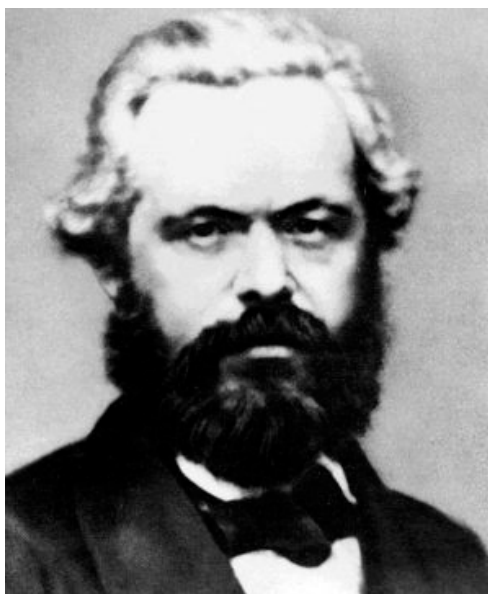
Не менее ироничными были слова, сказанные шестнадцатью годами позже у могилы Маркса его секретарем и финансовым покровителем Фридрихом Энгельсом. «Подобно тому, как Дарвин открыл закон развития органического мира, – восхвалял Энгельс, – Маркс открыл закон развития человеческой истории». Ирония в том, что социальные последствия закона эволюции в органической природе, открытые Дарвином, прозвучали похоронным звоном по мнимому «закону развития человеческой истории» Маркса.

Упоминание имени Дарвина Марксом и Энгельсом не могло отражать их понимание социальных последствий его открытий. Последствий, которые на самом деле совершенно фатальны для марксистского мировоззрения. Вместо этого Маркс и Энгельс выставляли имя Дарвина напоказ, стремясь представить как «новый» и «научный» тот комплекс верований, который на самом деле очень стар и совершенно ненаучен.

«Научный» «закон развития человеческой истории» Маркса, по сути, не более чем старое иудейско-христианское суеверие, прикрытое атрибутами псевдонаучного жаргона. Атрибутами, которые, в свою очередь, просто отражают растущий престиж науки и падающий престиж религии в западном обществе девятнадцатого века, в котором жил Маркс.

Марксово видение человеческой истории, прошлого и будущего, разделяет с иудео-христианством его основную тему грехопадения и искупления человека. В самом начале, по Марксу, был исконный Эдем «первобытного коммунизма». Туда прополз змей частной собственности. Это, как правильно выразился выдающийся оксфордский историк Р. Н. Кэрю-Хант, «в марксистской схеме занимает место грехопадения человека, поскольку склонность людей использовать друг друга в корыстных целях была извращением, внесенным в историю частной собственностью на средства производства». [1]

После этого Грехопадения следуют века, когда человечество барахтается в грехе или «классовой борьбе», как это называет Маркс. Человеческая нищета и деградация неуклонно возрастают по мере того, как феодализм сменяет рабовладельческую экономику, капитализм сменяет феодализм, все меньше и меньше капиталистов все более жестоко эксплуатируют все больше и больше рабочих, богатые становятся еще богаче, а бедные беднеют.

«Научный» «закон развития человеческой истории» Маркса, по сути, не более чем старое иудейско-христианское суеверие, прикрытое атрибутами псевдонаучного жаргона.

Но затем приходит Искупление. Воодушевленные Единственной Истинной Верой, которую проповедовал Искупитель Маркс и его современные марксистские апостолы, праведные пролетарии (с небольшой помощью «прогрессивных буржуазных элементов» вроде К. Маркса, Ф. Энгельса и, если подумать, большинства ведущих марксистов тогда и сейчас) свержают порочную капиталистическую систему. «Экспроприаторы экспропрированы», и после короткой «социалистической» интермедии наступает коммунистическое тысячелетие. После чего, как после Пришествия иудейского Мессии или Второго пришествия Христа, история фактически останавливается, достигнув стазиса вечного и всеобщего совершенства.

Марксизм разделяет с иудео-христианством не только историческое и эсхатологическое видение. Несмотря на отрицание существования каких-либо непреложных нравственных законов, оторванных от системы общественных отношений, марксисты, по сути, исповедуют эгалитарную, космополитическую этику иудео-христианства и другого его «светского» ответвления – буржуазного либерализма. Свое острое чувство морального возмущения по поводу «неравенства», «несправедливости», «эксплуатации», «несправедливости» и т. д. современного ему капиталистического общества Маркс черпает, по существу, из иудео-христианской этики, как, впрочем, и его современные ученики, когда они с таким шокированным видом выражают чувство морального оскорбления из-за «зла» «расизма и фашизма».

Нагорную проповедь и Коммунистический манифест объединяет не только общее социальное мировоззрение, но и общая уравниловка, антиэлитарная этика. Но громко провозглашенный Марксом атеизм лишает такую мораль ее единственно возможного объективного оправдания: что она предписана людям неизмеримо более могущественной сверхъестественной сущностью, которая безжалостно обрекает на вечные муки всех и каждого, кто ослушается этой сущности в том или ином вопросе. Лишенная «Сталина в небе», перед которым и евреи, и христиане, и мусульмане раболепствуют и пресмыкаются, этика Маркса мистическим образом висит над идеологической пустотой – едва ли научная позиция!

Самое существенное, что марксизм разделяет с иудео-христианством и другим его порождением, либерализмом, общий «исходящий из влияния окружающей социальной среды» взгляд на природу человека. Центральным в марксистском тезисе, как и в иудео-христианском, и в либеральном, является учение о том, что люди в некотором смысле рождаются равными и что все последующие неравенства, столь очевидные между людьми и между человеческими расами, являются просто результатом воздействий окружающей социальной среды – воспитания, социального происхождения, образования и т. д. В сущности, человеческая природа есть продукт человеческого общества: общества создают людей, а не наоборот. С точки зрения марксизма, «базис» экономических отношений определяет «надстройку» идей, верований, законов, вида правления и культуры. Маркс, вслед за либералом XVIII века Жан-Жаком Руссо, идет дальше традиционных иудео-христиан и возлагает вину за все человеческие пороки на окружающую социальную среду, особенно на институт частной собственности.

Из этого Маркс сделал вывод, что если общество создает человеческую природу, то совершенное общество может создать совершенных людей. Марксисты у власти должны путем принудительной коллективизации создать расу ангелов-альтруистов, населяющих коммунистический Элизиум. Или, по крайней мере, муравьев в человеческом облике, обитающих в гигантском муравейнике. Так рассуждал Маркс.

Но, несмотря на все его призывы к науке и Дарвину, Маркс никогда не пытался всерьез проверить правильность или даже привести какие-то доказательства своей эгалитарной, исходящей из влияния окружающей социальной среды концепции основной природы человека, которую, как мы видели, он вывел через Руссо из иудео-христианства. Ленин в «Государстве и революции» зашел так далеко, что отбросил вопрос о том, как именно должно быть осуществлено коренное преобразование человеческой природы, необходимое для «построения коммунизма», как вопрос, на который не может быть ответа и который ни у кого нет права задавать. Вряд ли это похоже на позицию ученого. Но зато уж очень похоже на отношение жреца догматического культа к неудобному вопросу. Едва ли нужно указывать, что, когда Ленин впервые осуществил

на практике социальные реформы, которых требовал Маркс, то обещанного «фундаментального изменения человеческой природы» не произошло, и ему и его преемникам пришлось барахтаться на своем пути к обществу, которое Маркс назвал бы классическим образцом его «азиатского способа производства» или «рабовладельческой экономики»!

Таким образом, Маркс сам был в полном смысле слова повинен в том самом «утопическом идеализме», который он правильно определил как доказательство «ненаучной природы» других социалистов девятнадцатого века, таких как Прудон и Оуэн.

Несмотря на «научный» жаргон, на котором он изложен, и на глупые и бесплодные «диалектические» словесные игры, которым он предается, марксизм не может всерьез претендовать на то, чтобы быть «научным». Это бессвязная и внутренне непоследовательная рационализация нигилистической зависти, утопических социальных фантазий, иудео-христианского морального возмущения и мессианизма, этнического отчуждения (как указывал Кэрю-Хант, «не случайно так много коммунистических лидеров, начиная со времен Маркса, были евреями»). [2]

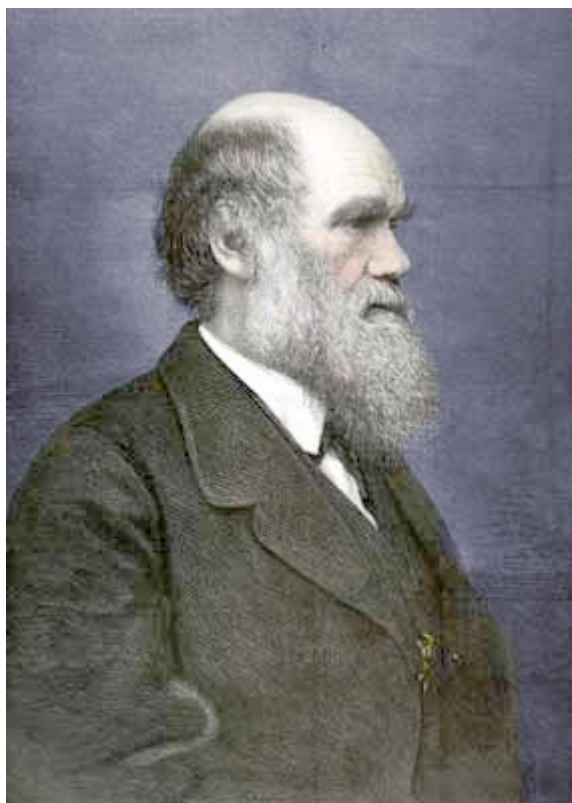
В действительности можно сказать, что марксизм представляет собой не более чем старое иудео-христианское суеверие, очищенное в знак уважения к распутому осознанию обществом научного правдоподобия, от ангелов, непорочного рождения, чудес, воскресений из мертвых, ближневосточных деспотов в небесах и прочих идеологических эквивалентов летающих тарелок и Бермудских треугольников.

В марксизме сохраняется весь лицемерный и самодовольный фанатизм, тоталитарное стремление искоренить не только все соперничающие религии, но и все соперничающие разновидности своей собственной веры, и оправдание весьма реальных нынешних зол на основании гораздо менее существенного будущего блаженства (будь то на Небесах или на Земле в отложенном на неопределенный срок будущем) своего иудео-христианского родителя. Несмотря на все свои претензии на «научную истину», марксисты заставляют замолчать тех, кто совершает научные открытия, противоречащие их догме, так же жестоко, как это всегда делали христиане, евреи и мусульмане. Сожжение книг Святой инквизицией и Трофимом Лысенко, смерть на костре Джордано Бруно и смерть в советском трудовом лагере ученого-генетика Н. И. Вавилова, «антирасизм» и «креационизм» одинаково отражают неистовые корчи грязных личинок невежества, фанатизма и суеверия, боящихся, чтобы их не осветил ясный свет науки, ибо в этом свете сразу будет видно, кто они на самом деле.

Чарльз Дарвин, напротив, был одним из величайших научных просветителей иудео-христианско-марксистско-либерального мрака. Его эпохальная работа, помимо того, что развеяла влияние переднеазиатских племенных мифов о сотворении мира на западный разум, также заложила некоторые из первых кирпичей во внушительное здание твердых научных фактов, которое и сегодня поддерживает единственную идеологически связную альтернативу интеллектуальным порождениям чуждой иудео-христианской фантазмагии.

Это альтернативное мировоззрение, поддерживаемое сегодня расовыми националистами по всему миру, основано на «наследственной», а не на «экологической» концепции генезиса человеческой природы. Наблюдаемая нами человеческая природа, включая не только индивидуальное и расовое неравенство в способностях, но и универсальные модели поведения, такие как территориальность (например, национализм), этноцентризм (например, расизм), агрессия и социальная иерархия, – это мировоззрение считает продуктом не «экономических отношений», а врожденного, генетического наследия. Это наследие, продукт миллионов лет эволюции, в действительности фиксировано.

Поэтому мы, как сторонники наследственности, считаем, что должны принять существующие реалии человеческой природы такими, какие они есть сейчас и, очевидно, были на протяжении всей письменной истории. Мы не можем, как Маркс, просто выдумать какую-то утопию и слепо верить, что человеческая природа изменится до неузнаваемости, чтобы люди могли жить в ней. Вместо этого мы должны строить любые концепции лучшего будущего общества вокруг существующей реальности человеческой природы, принимая во внимание врожденные национальные и расовые характеристики людей, которые составят это общество. Таким образом, мы основываем наши социально-политические программы, какими бы радикальными они ни были, твердо на существующей человеческой реальности. И мы твердо основываем наше восприятие этой реальности на открытиях науки.

Чарльз Дарвин (1809-1882). Дарвин заложил некоторые из первых кирпичей во внушительное здание твердых научных фактов, которое и сегодня поддерживает единственную идеологически связную альтернативу интеллектуальным порождениям чуждой иудео-христианской фантазмагии.

Эти научные открытия, лежащие в основе нашей аргументации, впервые стали ясно проявляться во времена Дарвина, в середине девятнадцатого века. Именно современники Дарвина, такие как сэр Фрэнсис Гальтон, первыми начали количественно измерять неравенство людей по таким их свойствам, как интеллект, и приводили доказательства того, что они были по происхождению наследственными, а не вызванными влиянием окружения. Другой его современник, Грегор Мендель, без ведома Дарвина, заложил основы генетики, науки, которая должна была объяснить, как такие наследственные неравенства определяются и передаются из поколения в поколение. А другие ученые одновременно закладывали основы физической антропологии, изучающей человеческие расы и различия между ними.

Великий вклад Дарвина в развитие нашего мировоззрения состоял в том, что он понял, почему должно возникать это наследственное неравенство между людьми и расами, а также природу и решающее значение его роли в развитии и прогрессе жизни. Ибо не Чарльз Дарвин придумал саму идею эволюции жизни от низших форм к высшим, включая человека. Эта идея развития пришла в голову некоторым из древних греков. Но в 1840-х годах он наконец

осознал, *как именно* происходила эта эволюция: в процессе естественного отбора наиболее приспособленных особей в борьбе за ограниченные ресурсы, в «выживании наиболее приспособленных».

Из этого сразу видно, что унаследованное неравенство является предпосылкой эволюционного продвижения. Если нет неравенства, все в равной степени наделены рассматриваемой чертой, способностями к бегу, длиной шеи, интеллектом или чем-то еще, то, очевидно, не существует «наиболее приспособленных» для выбора. А если неравенства есть, но они не унаследованы, а обусловлены средой, то отбор наиболее приспособленных не будет иметь эволюционного эффекта. В таком случае приспособленность будет зависеть не от родительских генов, а от собственного окружения и воспитания организма. У более здоровых родителей потомство будет в среднем не лучше, чем в среднем у их, родителей, поколения. Таким образом, отбор, каким бы строгим он ни был, должен будет начинаться заново в каждом поколении, и никакого эволюционного продвижения произойти не может.

Также получается и естественное следствие. Если какая-либо черта развилась, как это произошло в недавние с точки зрения геологии времена с человеческим интеллектом и социальным поведением, то для того, чтобы это произошло, эта черта должна быть подвержена наследственно детерминированному неравенству внутри и между популяциями соответствующего вида. Таким образом, на априорных основаниях дарвиновской теории эволюции мы ожидали бы обнаружить те самые наследственные вариации, например, в интеллекте внутри и между человеческими расами, которые мы действительно обнаруживаем.

Итак, Дарвин показал, что наследуемое индивидуальное и расовое неравенство не только неизбежны, но и прогрессивны с точки зрения эволюционного прогресса человека. Такое врожденное неравенство является тем самым топливом, которое приводит в движение машину эволюции. И они являются смертельным ядом для социальных теорий Маркса и его последователей. Ибо они подразумевают, что в ряде важных аспектов человеческая природа определяется и должна определяться в корне генами, а не окружающей социальной средой. В таком случае изменение социальной среды не может коренным образом изменить природу человека. Таким образом, эта существенная предпосылка «достижения коммунизма» – весь смысл всех идей Маркса и его «коммунистических» преемников – по своей сути недостижима.

Тем более, что за столетие после смерти Дарвина генетики и социобиологи показали, что все больше и больше граней социальной природы человека являются продуктами генетической эволюции, а не «отношениями производительных сил». Сегодня марксисты не могут отрицать тезис Дарвина, не прибегая к сверхъестественным сказкам, объясняющим происхождение человека. Но, принимая Дарвина, они должны прижимать к своей груди идеологическую

змею, правда которой является смертельным ядом для всего их мировоззрения.

Таким образом, марксизм, несмотря на его заявления, не является научным. Он противоречит данным науки. В самом деле, весьма показательным, что, несмотря на все свои разговоры о «научном социализме», марксисты всегда почти полностью основывали свои доводы на трудах экономистов, так называемых «социологов», историков, самопровозглашенных политических философов и вообще всех, кроме ученых-естественников. Единственный выдающийся исследователь дарвиновской области биологии, добровольно примкнувший к марксистам, Джон Бёртон Сандерсон Холдейн, оставил их с отвращением, когда они попытались разрешить фатальное противоречие между Марксом и Дарвином, навязывая под дулом пистолета научному миру антидарвиновские чудачества шарлатана Лысенко.

Напротив, те из нас, кто поддерживает единственного серьезного интеллектуального соперника марксизма, опирающийся на теорию наследственности расовый национализм, приводят в поддержку своих аргументов почти исключительно ученых – генетиков, физических антропологов, социобиологов, биологов-эволюционистов и так далее. Не будет большим преувеличением сказать, что в то время, как марксизм появился в окутанных мраком читальных залах Британского музея и среди превращающихся в труху томов дискредитированных суеверий, расовый национализм родился в лаборатории под ярким светом нового научного видения.

В самом деле, разница между Марксом и Дарвином, как и между вдохновленными ими идеологиями, есть в основе своей разница между суеверием, пусть даже выраженным в псевдонаучной форме, и истинной наукой. Это разница между астрологией и астрономией, между летающими тарелками из Атлантиды и космическими кораблями «Аполлон», достигающими Луны, между вечными двигателями и атомными электростанциями, между истерией и разумом, между политическими эквивалентами знахаря и хирурга. По сути, это разница между мрачными мистическими культами Леванта и блеском европейского ума.

Примечания

1. *The Theory and Practice of Communism* by R. N. Carew-Hunt (1963).
2. Там же, стр. 32.
3. Прим. ред. БВС: О происхождении Карла Маркса смотрите лекции Дмитрия Галковского «Маркс и Энгельс» (четыре части): <https://youtu.be/wE782hQ1XFc>